

Александр Иванушкин

Мышление

**Топологический
материализм**

Александр Иванушкин

**Мышление. Топологический
материализм**

«Издательские решения»

Иванушкин А.

Мышление. Топологический материализм / А. Иванушкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747664-9

Эта маленькая книжка — простое изложение топологического материализма. Топологический материализм (топомат) — мировосприятие, позволяющее лицезреть мир с любым количеством пространственных осей (видеть мир целиком и себя целым). Хорошо или плохо так красиво и неизбежно стряхивать в пыль трехмерные кандалы (а с ними и трехмерные надежды), каждый свободный решает сам.

ISBN 978-5-44-747664-9

© Иванушкин А.
© Издательские решения

Содержание

Мышление	6
(1)	6
(2)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мышление. Топологический материализм

Александр Иванушкин

© Александр Иванушкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мышление

(1)

Начнем с уточнения – рефлекторное (внедренное в школе, институте, цирке или у кинолога) умодвижение мышлением не является. Чем меньше на 1000 чел. актов настоящего мышления в сутки, тем тверже эта тысяча уверена – собаки, шимпанзе, лошади и дельфины тоже мыслят. Они не мыслят, потому что повторить миллионный раз в своей голове « $2 \times 2 = 4$ », это не акт мышления – это акт повторения чужой мысли (заучил – имитирую).

Пожалуй первый, осознанный шаг к мышлению, это обретение стойкой брезгливости к теплomu чувству – «я разумен» (не все теплое хорошо пахнет). Такая простая вещь, как обучаемость прямо зависит от «сердечных устремлений». Если главное – греться зажмурив нос, ты не обучаем. Любая безусловно убедительная, «рационально доказанная» умозрительная схема останется слепым пятном (чушью) для ума, сердце которого против.

Невозможность беспристрастного мышления не болезнь некоторых, а пыльный мешок на голове каждого (всех). Потому до «типа рациональных» разговоров и необходимы, собственно, реверансы. Первый честный реверанс – вы читаете сейчас русскую православную философию, совершенно не референтную, то есть работающую с онтологией за «красными флажками» развешанными в моем лесу позитивистами Российской (и не только) Академии Наук.

Наблюдаемый вокруг кризис некоторых былых автоматизмов (чести, бесстрашия, беспощадности к себе) порождает сегодня необходимость учитывать мотивы «типа непредвзятых мыслителей» (их неосознанные сердечные устремления). Нежелание (до кровавых соплей) отдавать себе отчет в собственной иррациональной сути убивает не только «непредвзятость», но и (как следствие) возможность честного последовательного мышления.

Второй реверанс – здешние рассуждения не богословие. Здешние рассуждения напитаны чистым, необыкновенно сложным и точным мирозрением, которое добыли святые отцы семи соборов из Откровения и молитвенного богообщения. «Неслиянно нераздельное», «двуединая природа», «всеприсутствие абсолютно Внешнего» и прочее, осмыслены здесь как конструктивные особенности мира.

Осмыслены не как абстрактная метафизика, а как онтологические основания вполне предметной и простой (не парадоксальной) физики. «Предметная физика» эта подробно описана в следующей главе (Топологический материализм). Трагикомический разрыв между метафизикой и физикой топоматом преодолен чисто и корректно (названы причины этого разрыва и предложена к осмыслению цельная модель мира).

Здесь же произойдет простая попытка мыслить о мышлении. Популярные изыскания о мышлении страдают одним пороком – процесс воспринимается, как нечто тотальное, в чем можно классифицировать некоторые, прости Господи, «дхармы» (категории). Этой классификации и отдавали 98% своего времени разные замечательные философы. Хим. состав выхлопа подавался как схема устройства автомобиля.

Анализируя элементы этого выхлопа, древние авторитеты находили в нем апории, антиномии и прочие «противоречия». Делали это они опираясь на логику «состоящую из элементов этого выхлопа», логику, что при неизбежном осознании собственной тавтологичности – мертва (бесполезна). Этот восхитительный воздушный замок прекрасен (утешает), но не лечит, не кормит, не ведет к новому, не увеличивает познавательную силу ума потому, что опирается сам на себя, висит в пустоте механическим «псевдомиром», не нужен автомобилю.

Топологический материализм не находит в мире ни одной антиномии. Гегелевские «язвы противоречия» – это «язвы Гегеля», а не наши (проблемы псевдомира, а не топомата), потому нам легко увидеть мышление, как топологический процесс, процесс созидания топологических аналогий. Аналогия – стартер понимания (раз уж мы используем автомобиль в качестве аналогии состояния дел). И начинать изучать этот процесс надо не с выхлопа (противоходом), а с зажигания, с первой искры в недрах чуда под названием «только что возникший ум».

Что мы знаем о «первой искре»? Что это такое же получение прошлого из настоящего, как и последняя. Если ум, это, прежде всего, самофиксация (движение во времени), то «возникновение ума» – просто начало этого движения (время малыша включилось и его понесло по кочкам ТОООПП).

ТОООПП – точки осознания одновременно опыта полученного последовательно (Топологический материализм)

От своего абсолютного начала свободный ум изучает два капитальных состояния. Назовем их: комфорт – дискомфорт, а еще проще: хорошо – плохо. «Хорошо» и «плохо» – это состояния мира, который воспринимает дитя, а вовсе не «сложные логические оценки младенцем физических ситуаций». Весь мир целиком плох или целиком хорош. Рудиментарные реакции подобного рода знакомы каждому внимательному к себе взрослому.

С точки зрения топологического материализма, новый ум (как и все остальные) – часть опыта «умов большей мерности» и якает всеобщим чистеньким (до качественным) «я», то есть сразу по возникновении фиксирует не только, например, голод, но и, например, страх, легко распознает отношение к себе, сразу осязает (умозрит) многомерный мир целиком, а не только свое трехмерное тельце и его трехмерное окружение.

С точки зрения топомата, ум постигает мир целиком, занимая позицию в естественной иерархии всех умов (всех мерностей) и разделяя с ними общее до качественного (нульмерное) «я». То есть «частью мира» назвать живой ум мы не можем. Частью мира мы можем назвать только его «не абстрактную» часть.

Механизм же, это часть мира не связанная с естественной иерархией умов и, соответственно, не имеющая общего всем нам живого, нульмерного «я». Генератор случайных чисел не дарует ни свободу, ни индивидуальность. И генератор генераторов случайных чисел тоже. Для механической макаки «случайно напечатавшей Брема», Брем такая же бессмыслица, как и все, что она печатала до того.

Почему это важно? Потому, что крах организма (добровольное вырождение в рефлекторный механизм) = краху мышления, как возможности = потере свободы, как принципа. Почему мы не желаем терять способность мыслить (желаем сохранить свободу)? Ни чем это не обусловлено в трехмерье. Это вообще ни чем не обусловлено (не рефлекс).

Вернемся же к новенькому уму, к нашей первой искре и рассмотрим начало ее начала. Самым глубоким и тотально одинаковым впечатлением для всех умов является «возникновение». «Все есть» первый раз на границе с «нет ничего». То, что первое «все есть» четко видит рядом с собой «нет ничего» – единственное и необходимое условие всех дальнейших приключений растущего ума.

Все, что он (ум) станет осязать как «присутствие», будет всегда очерчено границами «своего отсутствия». Проще, первое впечатление «нет – есть» является (на всю дальнейшую жизнь) единственным «топологическим кирпичиком» из которого ум строит все, что он строит.

А строит он от простого к сложному чрезвычайно громоздкие «дворцы топологических аналогий». И кленовый лист и стремление наций к самоопределению – образы одного порядка конструктивной сложности, возведенные умом из очень простых и надежных т-кирпичей «нет – есть». Обучающая активность среды, кстати, измеряется количеством предоставляемых уму аналогий, то есть увеличивается в геометрической прогрессии по мере роста.

Можно назвать это естественное основание всех построек ума: «неизбежность дихотомии», но я бы назвал это просто: «базовой дихотомией восприятия». Мышление без четкого опознания «отсутствий» невозможно. Мало того, вся познавательная сила мышления направлена в разного рода «отсутствия». Можно сказать: «мышление, это усилие видеть то, чего нет». Существует два популярных пути развития ума в этих ужасных обстоятельствах. Хороший и плохой.

(2)

Одна кроха зажмурившись на один глаз подробно осваивает только «то, что есть», другая «глаз в ничто» не закрывает и потому псевдомир никогда не становится для нее убедительным «на все 100». Это не две противоположные позиции, это позиции «полуслепая – зрячая».

Не пыльная абстрактная антиномия проигравшего своей схеме старого старика: «В одних и тех же условиях, пользуясь одной и той же логикой можно доказать, что Бог есть и что Бога нет», а живая невидимая бездна вокруг живого маленького ума и его свободная реакция.

Ни какое воспитание не может тут ничего изменить. В полуслепом малыше, которого перегрузили навыками общения с тем, что он не желает видеть, «воспитание» рано или поздно коллапсирует в свою противоположность. В зрячем же, ни одно воспитание не приживется как «набор неизменных рефлексов» в принципе.

Понятно ли, что описаны крайние, пограничные ситуации? Они, повторюсь, не противоположности, а рамки, в которых пребывают все наблюдаемые случаи состояния «глаза в ничто» (от крепко зажмуренного, до распахнутого настезь). Первый выбор (зажмуриться или смотреть) только что возникшего ума решает многое в его дальнейшей судьбе.

Выбор этот свободный ум совершает в момент между «ничего нет» и «все есть». Останется это «осязание границы» постоянным фоном роста или быстро выродится в бессознательный «топологический кирпичик» и только. Ясно ли, что мышление, как добыча того, чего не было – плод сосредоточения ума на том, чего нет?

Не важно, заходится ли ваш младенчик от страха, глядя в ничто, или пребывает в прострации созерцания, глядя туда же. Важно, отвернется он от единственного шанса на мышление или нет. Выбор его абсолютно свободен, потому что совершается задолго до того, как окружение сможет как-то на него повлиять.

Если окружение искренне привержено современной «научной» модели (живет в псевдомире), а дитя «не зажмурилось», в мир вылупляется мятежная неудовлетворенность. Заученные неубедительности для зрячего ума не повод повторять их в сладкой дреме «для сугреву», а повод вопрошать: «Что за дремучая хня?» или «Неужели этих тавтологий вам достаточно?»

Ознакомившись же с «метафизической» составляющей накопленного человечеством, такой ум быстро выбирает максимально отвечающую его «непрерывному пограничному опыту» конфессию/мировоззрение (дает Имя своему ничто). И тем совершенно свободно и осознанно дает Ему право участия в актах своего мышления.

Какое Имя свободно выберешь – такое участие и получишь. Это как, стерев кеды по колено, добраться до крутой тачки, в бардачке которой записка: «я твоя, пока ты едешь вперед». Довольно тусклая метафора встречи с Богом, простите, но, тем не менее, существует два вида мышления. Частное (изобретаем велосипед) и соборное (нормализованное традицией).

Соборное опаснее, так как лезвие тоньше. Ребята с одной его стороны, тянут все подряд за уши к заранее известному результату (это кажется им «верностью», но мышлением, к несча-

стью, не является). Ребята с другой, продолжают изобретать велосипед (их умы, освоившись с традиционной терминологией, по сути остались совершенно чужими традиции).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.